

Андрей Углицких
Соловьиный день

Повесть

Андрей Углицких Соловьиный день. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23576634

ISBN 9785448399909

Аннотация

Книга о человеке, влюбленном в птиц. Повесть о полете: вечном и сиюминутном. Поэма о любви к природе и свободе. Сочинение об устремленных в небо. Труд о соловьях и соловьиной охоте.

Содержание

Не птицелОв но – птицелАв!	5
Щегол «Шварценеггер»	13
Старик с «флейтой» в горле	16
Зимовочный «цугцванг»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Соловьиный день

Повесть

Андрей Углицких

Редактор Андрей Углицких

Фотограф Андрей Углицких

Фотограф Lynn Greyling

© Андрей Углицких, 2017

© Андрей Углицких, фотографии, 2017

© Lynn Greyling, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-9990-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не птицелОв но – птицелАв!

Трудно дело птицелова:

Заучи повадки птичьи,

Помни время перелетов,

Разным посвистом свистить.

Эдуард Багрицкий, «Птицелов»

Индийский духовный лидер и мистик Ошо (Бхагва Шри Раджниш) как – то сказал: «Если вы поймали птицу,

то не держите её в клетке, не делайте так, чтобы она захотела улететь от вас, но не могла. А сделайте так, чтобы она могла улететь, но не захотела».

Справедливо ли это утверждение Лав долгое время не знал, но зато был он твердо уверен в том, что любовь к птицам, как и любовь к свободе, заложена, живет, «дышит» в каждом из нас с рождения. Что человек воспринимает пернатых, как близких родственников, поскольку некогда человечество вышло из птичьей «колыбели». Что родом из птиц оно, сердешное. Что именно поэтому в людях так много птичьего: в обликии, манерах, повадках.

Лав любил птиц. Но не только. Будучи не практичным, едва ли, что называется, не от мира сего, человеком, любил он вообще все воздушное. Земное же, напротив, отвергал. Оно было в тягость ему, не давало свободно дышать.

Возможно, мировоззренческие установки Лава – и оригинальные, и, в чем – то, безусловно, уязвимые, сомнительные – стали следствием того, что появился на свет герой наш не где – нибудь, а именно в воздухе, в полете? Буквально, «вылетев», «выпорхнув» в свет Божий на высоте восемь тысяч метров. На борту авиалайнера «Аэрофлота», несущегося над миром с крейсерской скоростью семьсот восемьдесят километров в час.

Мама будущего птицелюба на последних неделях беременности отважно отправилась в далекий и морозный Якутск. К своей маме, будущей бабушке Лава.

Чем можно оправдать это рискованное решение? Думаю, одним только: а кому еще может довериться женщина в такой ответственный момент? Правильно, только маме! Единственному человеку на земле! Именно так подсказал ей инстинкт продолжения рода! А инстинкты в нас они, ведь, тоже от птиц. Потому – то они нас никогда и не подводят!

Волей Божьей, мама Лава прилетела в алмазную столицу России не одна, не с пустыми, так сказать, руками, а со своим новорожденным сыночком на руках! «Алмазиком» массой почти в четыре кг! Первыми пеленками малыша стали запасные иллюминаторные шторки с надписью «Аэрофлот». Впрочем, счастье, что хоть они оказались тогда в достатке на борту. Спасибо стюардессам за то, что не растерялись, действовали четко и слажено, как часы...

По праву небесного происхождения, Лаву всегда нравилось наблюдать как летают птицы. Тянуло к ним. Неосознанно.

Только долго не мог понять – за счет чего, собственно, парят пернатые, на чем держатся тела их там, в воздухе? В безопорной среде. Ведь, все, что тяжелее воздуха, определению, летать не может, а если и может, то только строго вниз. Камнем!

Продолжалось так до тех пор, пока однажды, классе во втором, не поднял он в городском саду с земли раненого воробья с перебитым крылом и не понял, что полет – это, суть, *движение*: пока опираешься на воздух машущими

плоскостями, крыльями – до той самой поры не упадешь!

А классе в девятом, прочел стихотворение Багрицкого «Птицелов». Точнее, поначалу услышал по радио известную песенку барда Никитина. Но не запал. А позднее ощутил – нет, влечет. Отправился в библиотеку, нашел сборник, прочитал и понял, что его это, хотя, и не о нем...

Да, да, именно тогда Лав окончательно утвердился в мысли, что никакой он не птицелов. И не может быть им, по определению. Птицелов – тот, кто ловит птиц. То есть, профессионально губит полет, уничтожает его. А Лав, напротив, живет ради того, чтобы полет продолжался. Длился и длился! Следовательно, не птицелов он, а именно: *птицелав*! (От английского: «love» – любить).

Так и стал именовать себя. Относясь ко всем прочим персональным данным (пресловутым ф. и. о.) как к чему – то громоздкому, обременительному и, стало быть, ненужному, необязательному. Ну к чему, скажите, это пафосное:

«Борис Игоревич Иевлев»?

Зачем, когда можно представиться, сказать о себе, по – человечески, ясно и просто: «Я – Птицелав»? И все! Смешно и сравнивать...

В общем, так встало.

Зацепилось по – первости, а потом и вовсе намертво схватилось, приросло, присохло, стало частью сознания – попробуй, отдери! А вскоре первая часть прозвища куда – то запропастилась, улетела зимовать, да так и не вернулась по вес-

не, оставив только краткое и звучное «Лав».

Его ничуть не смущало, что он не первый и далеко не единственный «Лав» на планете Земля. Что были уже и Лав Бесси (урожденная Хуанита Хортон), и Лав Кортни (урожденная Кортни Мишель Харрисон), и Хьюитт Дженнифер Лав. Но наш Лав не воспринимал их всерьез. Ибо были они, во – первых, женского полу. Во – вторых, актрисками (Бесси – немного еще кино). А в – третьих, являлись гражданками далекой страны, Соединенных Штатов Америки, персонажами, которых никто особо здесь, на заснеженных российских просторах, не знал.

Реальным именным «конкурентом» Лава мог быть только один Лав – — Вагнер Силва де Соуз, бразильский футболист, нападающий легендарного ЦСКА. Но поскольку бразилец стал именовать себя Лавом лет на двадцать, минимум, позднее нашего героя, тот и не думал уступать иностранцу. Ни пяди! Перебьется!

Как уже сказано было, Лав любил птиц. Жил ими. Ради них. Остальное интересовало его куда меньше. Особенно работа в лаборатории полупроводников, в закрытой, как водится, конторе тогдашних лет, в одном из бесчисленных, полусекретных столичных НИИ. Что вблизи метро «Калужская».

Он рано раскусил вранье и быстро устал от ложного пафоса профсоюзных собраний, вымученных «движений ударников коммунистического труда», высосанной из пальца «борьбы» за переходящие вымпелы и помпезности кубков

«победителей соцсоревнований».

С некоторых пор ему вообще стало казаться, что вся окружающая жизнь, обустройство современного общества, социума, представляло собой некое подобие тюрьмы, собрание огромного количества разноразмерных клеток, гигантскую клеточную систему порабощения.

Вершиной системы, самой большой клеткой ее, являлось, по мнению Лава, само государство. Как машина подавления и унижения. Которая, в свою очередь подразделялась на ряд клеточных образований меньших размеров: армия, суд, КГБ (потом – ФСБ), милиция, наука и образования, промышленность, сельское хозяйство, спорт, работа...

Но и те, в свою очередь, также состояли из клеток и субклеточных образований все уменьшавшейся и уменьшавшейся размерности, все меньших и меньших пропорций и объемов: личной жизни, семьи, карьеры, увлечений, отпусков... и так далее и тому подобное.

Освобождение от этого многоярусного, глубоко эшелонированного клеточного ига стало с некоторых пор насущной мечтой любителя птиц. Идеей фикс. В любом случае, Лав стремился игнорировать окружающий мир – заповедник произвола и питомник лжи. И – немало в этом преуспел.

Если уж быть точным до конца, началось все еще в доперестроечные годы, когда молодой инженер Борис Иевлев впервые оказался на Птичьем рынке, располагавшемся неподалеку от станции метро «Таганская». Оказался – совершен-

но случайно, но быстро прикипел, «подсел» на «Птичку». С некоторых пор поездки в Большой Калитниковский стали для него обязательными, еженедельными.

Первой птицей, которую прикупил он на этом торжище, весьма примечательном во всех отношениях, стал желтый, как цыпленок, кенар. Пел – заслушаешься! Со временем Лав решил заняться разведением канареек. Пошли гнездышки, поилки, клетки, корма, грампластинки с записями голосов наиболее выдающихся канареечных певцов.

Надо заметить, что эти занятия, тесное общение с птицами, неожиданно и благотворно сказались на непростом, резком характере инженера.

Ибо, стал он как – то мягче, терпимее относиться к окружающей действительности. Постепенно улучшились непростые отношения Лава и с коллегами по НИИ, и, особенно, с девушками. Представительницы слабого пола, дотоле не часто баловавшие молодого инженера вниманием, неожиданно стали проявлять к завсегдатаю Большого Калитниковского переулка что – то вроде снисходительного интереса. Так, во всяком случае, казалось нашему герою.

В попытках понять, принять и освоить жизнь во всем ее невыразимом многообразии, прочел он как – то и о том, что у художника Пикассо было несколько творческих периодов: «голубой», «розовый», «зеленый»... Поразительно, но почти ту же «цветовую периодизацию» можно было с успехом применить и к жизни самого Лава!

«Желтый» (канареечный) период ее довольно быстро сменился «зелено – синим» (увлечение волнистыми попугайчиками).

Но и эта фаза развития довольно скоро исчерпав себя, завершилась. Австралийские питомцы почему – то никак не хотели говорить, как ни бился с ними птицелюб. Правда, поначалу нравилось ему то, что попугайчики беспрепятственно летают по квартире, находясь на вольном содержании. Ибо это, в представлении Лава, было одним из немногих, но – реальных шагов на пути к созданию вожаемой бесклеточной структуры, к воле.

Но вскоре любителю «говорящих» пернатых осточертело убирать за не слишком опрятными питомцами своими засохшие какашки их, а также разыскивать улетевших в форточки попугайчиков и переживать за птицу, когда та калечилась или гибла, врезаясь со всего маху в оконные стекла и зеркала...

Только после всего этого, после эры домашней птицы, началось подлинное увлечение Лава пернатыми именно в природе. Речь о «дикой» певчей птице.

Щегол «Шварценеггер»

Одной из первых «жертв» Лава на этом тернистом пути стал щегол – странноватый тип, окраской своей чем – то напоминавший американского коммандос из популярного кинобоевика. Терминатора, ушедшего в джунгли боевого задания и так и не вернувшегося с него...

Был этот крылатый «Шварценеггер» сварлив, брезглив, неопрятен и невыносимо агрессивен. Его – писаного красавца, щеголя и воина «до мозга костей» – раздражало и тяготило все вокруг. Но, главным образом, сообщество соседей по клетке – всех этих птичьих слабаков – «слюнтяев», летающих «штибзиков», тупых «дохликов» и крылатых «тихонь», ничего не смыслящих в канонах и правилах боевых искусств!

Поэтому «Шварценеггер» пытался поддерживать на доступной ему территории сугубо армейские порядки, применяя для этого хорошо зарекомендовавшие себя технологии

«включения бычки», «жесткача» и «качания прав», сопряженных с наездами на всех и вся. Иными словами, постоянно выяснял в клетке философское и насущное: «кто в клетке хозяин?».

Жесткость «щеголизма» вскоре сменила «эра милосердия», пора «желто – синей» эпохи синиц. Если бы Лава попросили как – то охарактеризовать период этот, он определил бы его именно, как эпоху. Эпоху возрождения и процветания, миролюбия и созидания.

Одной из наиболее ярких представительниц ее стала замечательная синица – московка¹.

Та, что досталась Лаву от Старика – птицелюба с «флейтой» в горле.

¹ Москóвка, или чёрная синица (лат. *Periparus ater*). Очень любопытная, вертлявая птичка. Ни секунды не сидит на месте. Ей интересно все. На голове у крапотки – изящная черная «шапочка, напоминающая шапку – московку, на щечках – серо – белые «бакенбарды», на горле и верхней части груди – большая чёрная «манишка»

Старик с «флейтой» в горле

И свистит манок сосновый, —

На сосне в ответ синицы

Рассыпают бубенцы.

Эдуард Багрицкий, «Птицелов»

Познакомились они возле зоомагазина.

А встретились, как это часто бывало в жизни Лава, случайно. Он приехал как – то на Ленинский проспект за очередными «рекрутами» из числа волнистых попугайчиков, а тех не оказалось в продаже.

Экая досада! Лаву было так жалко потраченного на дорогу времени! Выйдя из магазина, увидел он неподалеку довольно пожилого человека с «переноской»² в руках. Подошел, поздоровался, заглянул в клеточку. И увидел в самом дальнем уголке невыразимо прелестную, обаятельную синичку – московку. Поинтересовался: «Почем?»

Удивился, когда заметил, что перед началом разговора обладатель московки, высоко подняв руку, зачем – то ткнул себя пальцем куда – то в область шеи:

² Переноска – небольшая, размерами 15 x 10 см, клеточка для транспортировки птиц

– Могу продать, молодой человек, могу – так подарить...

Еще больше поразил Лав «голос» Старика (так Лав стал сразу же стал называть про себя пожилого «синичника»). Точнее, отсутствие такового, в общепринятом понимании этого слова! То, что Лав услышал тогда, в первые минуты их знакомства, похоже было больше на некое странное «шепотное шипение». Да еще с «горловым присвистом»... Делавшим стариковскую речь на редкость неразборчивой, затрудненной, иногда – просто невозможной для понимания.

Со временем Лав, конечно, привык, приспособился, адаптировался, стал неплохо понимать Старика, но тогда стало ему, братцы, как – то не по себе! Он даже отстранился, отодвинулся от собеседника подальше: «Чем черт не шутит! Может, сумасшедший какой!» Старик же, виновато улыбувшись, объяснился:

– Не пугайтесь. Рак у меня. Горла. Был. И операция. Рак убрали. И гортань. Почти всю. А в горле осталась дырка. Я так ее называю. Стомой – называется. Когда хочу что – то сказать, я должен обязательно заткнуть это отверстие. Я это, в шутку, конечно, называю «игрой на флейте». «Флейте» собственного горла...

В подтверждении сказанного, Старик убрал, отвел руку в сторону. Лав увидел своими глазами ту самую «стому», размером с пятидесятикопеечную монету. Страшное отверстие находилось, зияло, примерно, там, где у здоровых людей располагается кадык. Лав даже поежился, на секунду пред-

ставив такую «язву» на своем нежном горле («не дай, Бог!»), но быстро взял себя в руки.

Старик вернул пальцы на шею и продолжил:

– Синицу отдам. Просто, без денег. Содержите только хорошо. Она сало любит и творог обожает. Домашний. Умее-те творог варить? Ничего, научу... Уж больно его жалуется... Вы птиц любите? Ладно, ладно, молчите, вижу... Забирайте, а то, боюсь, уйду, а она так и останется в клетке. Одна. Забирайте!

Так Лав стал обладателем замечательной певчей птички. Покупал для любимицы молоко, сквашивал, и делая творог – главное синичное лакомство. Домашний. Старик с «флейтой» в горле сдержал обещание, рассказав рецептуру приготовления продукта питания. Она оказалась, на удивление, простой. Секрет заключался в том, что делать все нужно было на самом медленном огне. Когда молоко закипало, начинало «подниматься», необходимо было срочно снимать его с огня и быстро процеживать через самую мелкоячеистую марлю. Лав быстро освоил кулинарные тонкости дела.

Кроме творога, синица, как выяснилось, обожала вьетнамский соевый соус, которым тогда, по причине тотального товарного дефицита, завалены были прилавки продуктовых магазинов. Глядя на то, с каким аппетитом, уплетает птичка заморский деликатес, в скором времени приобщился к нему и сам Лав, кстати.

Московка частенько пела – словно бы в благодарность за хорошее к себе отношение. Прыгая по полу возле ног Лава, она выдавала тонкие – тонкие триольки изумительной

красоты: «ти – ти – ти, тьюи – ти!». В этом отношении, напоминая Лаву опять же ...флейту. Но флейту – особую. Инструмент, из которого можно было извлечь довольно ограниченное количество звуков – лишь три или четыре – но, при этом, звуков отменнейших, невыразимой чистоты, редкого качества и глубины!

О, это нужно было слышать! Словно маленькие иголки или льдинки входили в кожу, сердце Лава, проникая глубоко – глубоко. В такие мгновения испытывал он, буквально, блаженство.

Нет, кенары, конечно, тоже здорово пели, но делали они это по – иному. В канареечном пении всегда на удивление много натиска, демонстративного напора, экспрессивной ажитации, вызова, истомы половой.

Смотреть на поющих канареечных самцов Лаву вообще было страшно: худенькая, маленькая птичка, а вытянется вся над жердочкой в струнку, голову запрокинет и давит, давит из себя, дрожа, трепеща, как осиновый листочек, бесконечную, нескончаемую песню!

Лаву хотелось даже «остудить» наиболее рьяных: «Охолодитесь, глупыши! Иначе, родимчик может запросто заработать от неистовства такого!»

Совсем иное дело – дрозды. Речь, понятное дело, о чер-

ных дроздах... Это – абсолютные певческие чемпионы, волхвы певчие! Своей песней они, словно душу вам на блюдечке преподносят, изливая, донося до сердец слушателей мелодичные размышления глубоко философского свойства. Причем получается это у птицы совершенно естественно, неторопливо, размеренно. В дроздовой песне всегда есть какая – то мягкая, нежная грусть. Как бы сожаление о превратностях перелетной жизни, о том, что все достается в ней не просто так, не с наскока, не играючи...

Синицы же, повторюсь, другие певцы: поют, как пуля свищет в степи, как колокольчики свадебной тройки разливаются над оживающим после долгой зимы, миром – негром-

ко, а век не забудешь: «динь — динь — тлинь, динь — динь — тлинь»...

Зимовочный «цугцванг»

Синичка, будучи птичкой вольной, свободной, день – деньской летала по квартирке Лава, куда ей только заблагорассудится. Лишь на ночь возвращалась в клетку.

Вольное содержание ее, так же как и в случае с волнистыми попугайчиками, накладывало на поведение Лава особый отпечаток. От хозяина «певчей» квартиры требовалось строгое соблюдение мер и правил безопасности, неукоснительное следование им. Птичка – то маленькая, любопытная, так и норовит сунуть свой крошечный носик, куда не надо! Может сесть на диван, на стулья, в кресло, на пол. Куда хочет! Узоры ковра здорово маскировали эту пернатую «квартирантку», делая ее «невидимой», почти незаметной.

Пришлось Лаву укрощать кипучую, непоседливую натуру свою. Стараться избегать резких телодвижений, делать все, по возможности, медленнее, «проверяясь» на каждом шагу, как бы, спрашивая себя постоянно: «куда я ставлю ногу?», «на что я сажусь, облакачиваюсь, опираюсь?» Иначе, быть, ох, быть беде! Впрочем, синичка и сама оказалась не промах: она, была, при прочих своих достоинствах, еще и достаточно разумным и осторожным существом, постоянно «обозначая» себя голоском, стремительно отпрыгивая, отлетая в сторону при всех опасных сближениях с торопыгой – хозяином. Видно, ее, голубушку, не слишком – то манила заман-

чивая перспектива оказаться в лепешку раздавленной хозяйским задом или быть навечно прихлопнутой его огромным домашним тапком!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.